

“ Будет мировая проблема скуки, можно не сомневаться. Но без проблем — еще скучнее, пожалуй. ”

РУБЕЖ

82

недели до 2000 года

Владимир Яковлев

Моск. новости. — 1998. — 7-14 июня. — С. 19

На вопросы анкеты «МН» отвечает писатель

Георгий ВЛАДИМОВ:

1. Какого рода новые страхи появятся в XXI веке?

— К нынешним страхам прибавится страх перенаселения. Его испытывает всякая разросшаяся популяция, при этом снижается ценность отдельной особи. Но если крысы смиряются с необходимостью жертв (даже, по некоторым наблюдениям, жертвуют собой), люди на это не согласятся, да, впрочем, и не должны. Однако при разрозненности наших усилий мудрено выдержать баланс между сохранением планеты и возможностью прокормить (также и напоить, и развеселить) всех ее обитателей.

Страны неразвитые и бедные хотя бы имеют (пока) запас территории. Развитые — обеспокоены притоком иммигрантов, добывающих работы и пособия; возникают трения, конфликты, вражда к иноземцу.

Но допустим, границы на замке, и чиновники нечувствительны к мольбам и взяткам. Аборигенам не грозит теснота коммуналки, но каждой семье нужен автомобиль, а ему нужны дороги. В Германии они близки к идеалу, но уже перегружены. Прокладывают новые, а старые расширяют. Генрих Белль писал о «задороживании» (Vertraassung). Съезжает бездна площади, от выхлопов страдают леса. Треть лесов Германии мертва; они еще зеленеют, но под корой стволов гниль и труха; и ураган, долетевший аж от Флориды, косит их, как солдатиков Жукова на Зееловских высотах. В новом веке это ждет и Россию.

Бессмысленно ругать прогресс, он неостановим. И страшен не прогресс, а — *недопрогресс*, то есть его замедление. Вся надежда, что изобретатели усовершенствуют очистные устройства, подарят нам «чистый двигатель», а может статься, позволят летать — невысоко, но без пересечений и «пробок». А Интернет и видеотелефоны уменьшат нужду в поездках и встречах. Иного пути, как форсировать прогресс, нет для человечества.

2. Будут ли сделаны в новом столетии такие научные открытия, которые значительно укрепят позиции атеизма? Или, наоборот, веру в Бога?

— Научные открытия XXI века уже назрели, и они сильно потеснят атеизм, а веру в Бога подкрепят. Самых разных ученых не устраивает материальная основа бытия, не все сходится в их расчетах — если не сделать допущения, что Вселенная имела начало, которое называют Большим взрывом или Первым толчком. Но кто-то же этот взрыв учинил, а прежде задумал, спланировал — не материальная (ибо материи еще не было), но, несомненно, мыслящая воля. И не откажешь ей в предусмотрительности. Взять нашу Землю — лишь треть на ней суша, две трети — океан. Зачем его столько, притом горько-соленого? Но еще раньше, чем нарисовалась первая амеба, было учтено, что сушу мы замусорим, изгадим, а океан выручит нас, даст время одуматься. А на этот период овеет кислородом, накроит чем богат, напоит пресной водой айсбергов (созданных не для потопления «Титаников»), даст приют на своей поверхности и в глубинах. Стало быть, океана и должно быть много, вдвое против суши. А набор солей делает его воду пожирателем всякой дряни и мертвечины, притом бережным к жизни. Она, правда, не справляется с ядерным хламом и бутылочками из-под пепси, но и не могло же быть терпение океана беспредельным.

Конструкция, что говорить, громоздка и расточительна. Вот и берет сомнение в авторстве Бога седобородого. Он бы, пожалуй, выбрал инженерное решение поизящнее и экономнее. И все-таки подбавил суши.

У тех, кому верится в Бога-Отца, в Христа-Спасителя, в Святую Троицу, еще укрепится вера — от того, что вот и наука признает первородство Духа. Впрочем, и для верующих от науки Иисус Христос — фигура очень значительная. Пусть он человек был и зачат, как водится, во грехе, но он оказался избранным услышать голос Вселенского разума. Истинны, которые вещал Иисус, были, по-видимому, ослепительны для современников. В век увлечения князьями и кнутаобоймами сказать: «Любите и прощайте врагов своих!» За это и распять недолго. Но смягчимся, по завету самого же Христа, «распявшим его: они высоко оценили его учение, дали «вышку».

3. Проявления жестокости в мире будут нарастать или ослабнут, чем вы мотивируете свои ожидания?

— Жестокость в нас поселилась, еще когда наши предки не слезли с ветвей и натерпелись от клыкастых и когтистых соседей по джунглям. Ну а взявши палку, мы уж размахались. Жестокости в XX веке проявилось куда больше, чем в скромном Средневековье, но похоже, мы ею пресытились. Все больше принимается законов и обычаев против нее, и открытость мира вынуждает ее прятаться. Попытки инквизиции или зверства нацистов были нормой, они выставлялись напоказ, сейчас они — тягчайшие злодеяния против цивилизации. Даже там, где еще применяют смертную казнь, она смягчена — все-таки не распинают, не четвертуют, не сжигают живьем. Клубы защиты животных добиваются, чтобы и на бойнях умерщвляли без мучений. В Испании я был приятно разочарован, что коррида уже не такое прельстительное зрелище для испанцев, как описано у Дос Пассоса, Ибаньеса, Хемингуэя. Постыли к ней, больше любят футбол и велогонки. Уже и видеть ее не хочется, жестокость.

4. Можно ли ожидать новую волну интереса к учению Маркса, новые попытки построения рая земного — коммунизма?

— Марксизму, можно считать, сильно повезло, не всякая религия могла б погордиться такой взрывной популярностью. В него вложили столько надежд, за него умирали (а от него еще больше, но это только укрепляло веру), он имел столько шансов осуществиться. И то, что замечательный проект не выдержал натурных испытаний, еще не свело эти шансы к нулю. Множество людей полагает, что до «настоящего» марковского социализма дело не дошло, всякий раз строили не так и не то. И как его, каналю, построить правильно, кто знает... Есть коренной — и неискоренимый — изъян у этой теории: ей требуется другая человеческая природа. А ту, какая есть, надо переиначить, а не то — сломать. Выходит, для счастья жить при коммунизме нужно умереть.

Однако формула «капитализм — в производстве, социализм — в потреблении», принятая развитыми странами, наполовину марксистская. Отдельные файлы этой программы вполне работоспособны. В целом же Передовое учение великими державами внесено в полицейский компьютер с пометкой: «Вооружен средне, но очень опасен». И туда, где он только поднимает голову, летят и плывут десантники быстрого реагирования, как было на Гренаде.

Надо бы какой островок выделить для марксистов-ленинцев, пусть бы экспериментировали с добровольцами, но им же чтоб в мировом масштабе из искры возгорелось пламя. Так что — счастливого пути, десантники!

ДОСЬЕ «МН»

Георгий Николаевич ВЛАДИМОВ родился 19 февраля 1931 года в Харькове. Окончил Суворовское военное училище и юридический факультет Ленинградского университета. Работал в «Сельской газете», в отделе прозы журнала «Новый мир», спецкорреспондентом «Литературной газеты». Печатается с 1954 года. Основные произведения: повести «Большая руда», «Верный Руслан», романы «Три минуты молчания», «Генерал и его армия». Принимал участие в правозащитном движении, в 1983 году вынужденно эмигрировал в Германию. Живет в городке Нидерхаузен около Висбадена.

5. От каких нынешних государств и правителей вы ожидаете в новом столетии действия, способные омрачить жизнь всего мирового сообщества? Могут ли появиться в XXI веке диктаторы наподобие Сталина или Гитлера?

— Диктатура может взрасти в любой стране, впадшей в неблагоприятие. Кто ожидал увидеть ее в просвещенной Германии? Она возможна в Латвии, в Белоруссии, не исключается и Россия. Вирус диктаторства живет в каждом из нас — хотя бы потому, что на свете много мужчин, недовольных своим ростом. (Пожалуй, есть смысл клонировать долговязых). Однако ж на всякого Хусейна должен найтись свой Жириновский. В открытом мире диктатору нужно признание со стороны, иначе ему не усидеть.

Что приняты законы, вроде бы исключающие диктатуру и тиранию, еще мало значит. Законы нуждаются в толковании, и всегда найдется лазейка для оправдания «чрезвычайных полномочий». За свободу, как и во времена Гете, нужно каждый день идти на бой.

6. Если наступит время, когда невозможны войны, кровавые революционные беспощадные конфликты, не приведет ли это «обилие гуманизма» к невыносимой скуке и не взорвет ли эта скука

сама по себе занудно-мирное течение жизни? Иначе говоря, не станет ли скука новой серьезной мировой проблемой?

— Оно действительно скучновато без пиротехники. Поэтому, скажем, немец в 20.00 усаживается с батареей пива к телевизору и вживается в новую «криминалку», где вдоволь бабахают, лупят по мордам и нещадно крушат дорогие автомобили — тот самый немец, который оружие видит только у полиции (в месяц раз) и потратит воскресенье, чтоб вывести царапину на своем BMW или «Пассате». Будет мировая проблема скуки, можно не сомневаться. Но без проблем — еще скучнее, пожалуй. Отчего и жилось нам так весело при большевиках — что ни шаг, то проблема.

Я, однако, не думаю, что людям нового столетия (столетий) свои заботы не дадут обеспокоиться, как ково там народу в Танзании или Зимбабве. Я видел, как все загорелись помочь голодной России. Был всплеск энтузиазма, было очень трогательно — и никак не скучно. В те дни «криминалки» не смотрели, интерес был — как грузят гуманитарную помощь и сколько на нее отстегивают промышленники, банкиры, кинозвезды... Ну и опять же — экология. И новые ураганы, землетрясения. И вспышки расовой ненависти, религиозной нетерпимости. Этих проблем — еще на три века.

7. Не исчерпают ли демократические нормы и

Александр Сазонов

ценности в XXI веке свою способность регулировать общественные и межгосударственные взаимоотношения на началах гуманизма?

— Еще так рано говорить нам об исчерпании демократии, когда мы только приступаем к ее освоению. Покуда не придумано лучшей формы общественного устройства, в ней одной — спасение от многих бед уходящего века. Но, чтоб совсем избежать очередного Сталина (да и Брежнева тоже), нам бы задуматься — о нормах демократических, о том, что существует благородство, что честь дороже жизни. Что гнусно и мерзко — лезть в чужие письма, подслушивать и подглядывать, фотографировать через дырку в банях, публиковать и читать, от кого живют у принцессы С. и с кем кое-что у Мадонны. Что нельзя гнущихся перед любым начальством, быть винтиком, свое мнение ставить ниже партийной установки. Сказано у Ницше: «Слишком много я вижу среди вас солдат, слишком мало — воинов». Много теряем мы оттого, что нелепый рыцарь из Ламанчи — для нас всего лишь пародия, а «донкихотство» — всего лишь порицание.

8. В наше время, когда кажется, что все поддается познанию, освоению, — как вы полагаете, что останется даже в XXI веке непознанным, неосвоенным?

— Непознанное еще увеличивается с познанием, притом в геометрической прогрессии. И, как ни парадоксально, практические успехи совместимы с незнанием. Сегодня рак излечим уже на 50 процентов, но это достигнуто ощупью, смертным опытом,

а природы его мы еще не постигли. Для нас и всемирное тяготение остается тайной, какой оно явилось Ньютону.

Наконец, вечно непознанным останется человек, в особенности — женщина. Но и мужчина тоже.

9. Какие, по-вашему, произойдут изменения в отношениях между супругами и в целом между мужчинами и женщинами, — верны ли предположения, что резко изменится отношение к супружеской неверности, угаснет чувство ревности? Можно ли ожидать, что в новом столетии браки во всем мире будут заключаться в значительно более раннем возрасте: скажем, в 13 — 15 лет?

— Похоже, что лучшая половина рода человеческого несколько утомлена феминизмом, яростной конфронтацией с мужчинами. В США уже в пору мужчинам отстаивать свои права — подать даме палто или сказать комплимент или — что запредельно ужасно — вернуть пикантный анекдот, — и это бы не считалось «сексуальным домогательством». Непомерные штрафы подбивают амазонок сутяжничать, не щадя сил и нежного облика. Но, кажется, Биллу Клинтону выпало стать последней жертвой этой войны. Уже сочувствуют ему, а не Дженифер с Моникой, и не одни мужчины, но и женщины. И пресса как-то вяло реагирует, а это совсем уже неинтересно, террористы Майнхоф и Баадер тут же повесились в камерах, как узнали, что за неделю про них ни строчки не напечатано.

В России конфронтация не так остра, и много других причин разлада любовных союзов, а прежде всех та, что мужчины и женщины — товарищи по несчастью. Это спланирует, но далеко не всех. Опушение, что не складывается жизнь, толкает поискать «варианты», «взять недоданное». Когда жизнь наладится, отношение к неверности сложится скорее традиционное. И не одному «женскому человеку», по выражению А. Платонова, захочется возвратиться в женщину, подругу и опору мужчины, хранительницу очага. И чтобы ее завоевывали, и оберегали, и чтоб ревновали, конечно, как же без этого...

В судебной практике сталинских лет ревность числилась среди «низменных побуждений», которые отягчали вину.

Вопрос, по сути, в том, имеет ли право человек на другого человека. Гуманнейшая советская власть, выживавшая «частнособственнические пережитки», считала, что никоим образом, это право принадлежит государству. Теперь, при распаде того государства, можно и по-другому рассматривать это «низкое побуждение» — как неперенную и законную спутницу любви. Даже в пушкинском «Я вас любил, любовь еще, быть может...» она слышится — как последняя попытка удержать. А сколь далеко может зайти право на другого, зависит от нашей интеллигентности (или неинтеллигентности).

10. Назовите (в порядке значимости) основные источники человеческой радости в новом столетии: а) хорошая семья, б) творческие достижения, в) финансовый достаток, г) приверженность религии, д) участие в политике, е) развлечения, путешествия, ж) отшельничество.

— Человечество никогда не предпочтет одну какую-то иерархию ценностей. Для нормального индивида, не замороченного идеологиями, она всегда своя. У кого-то на вершине пирамиды семья, у другого — успех в творчестве, третьему — жажда попасть в Книгу рекордов Гиннеса продолжительностью игры на саксофоне. И не последнюю строчку займет отшельничество. Есть же счастливые, обладающие умением общаться с самим собой и себе не наскучивать. К сожалению, гаснет оно в суете сует. А мы ведь рождаемся, чтоб осознать немного, но главное. И эту работу надлежит исполнить наедине с собою.

На вопросы «МН» отвечали:

Михаил Горбачев, Марк Захаров, Иегуди Менухин, Александр Яковлев, Владимир Войнович, Татьяна Толстая, Станислав Лем, Нэнси Сифер, Александр Бовин, Василий Аксенов, Юрий Рыжов, Виталий Гольдманский, Виктор Астафьев, Александр Кушнер, Мстислав Ростропович, Борис Стругацкий, Николай Амосов, Даниил Гранин, Андрей Воробьев, Александр Янов, Фазиль Искандер.

14.06.98